

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ЭТНОСОФСКАЯ УТОПИЯ В.Р. АРСЕНЬЕВА¹

Алексей Валерьевич Малинов^{аb} (a.v.malinov@gmail.com),
Виктор Александрович Куприянов^{бв} (nonignarus-artis@mail.ru)

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^б Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия

^в Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Малинов А.В., Куприянов В.А. (2023) Этнософская утопия В.Р. Арсеньева. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 36–52.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.2>. EDN: YPIYGK

Аннотация. Рассматриваются социальные аспекты этнософского учения африканиста В.Р. Арсеньева (1948–2010). Отмечается критика Арсеньевым современной техногенной цивилизации, альтернативой которой он считал архаику. Признаки вырождения современной цивилизации западного типа он видел в замене реальности миром искусственной природы, приоритете материальных ценностей, противопоставлении людей природе, стремлении подчинить природу, трансформации психики индивидов, разрушении личности или «парадигмальном эгоцентризме». В индустриальной цивилизации сложилась нежизнеспособная модель управления, которую Арсеньев в совокупности с другими признаками назвал парадигмой отчуждения. Все это указывает на исчерпанность того пути развития, который представлен западной цивилизацией. Полевые исследования давали ученому достаточно материала для изучения архаических обществ и архаического сознания. Однако архаика, о которой он писал, не означает возвращение к ранним этапам социальной эволюции. Архаика в качестве нового этапа социально-исторической жизни, согласно Арсеньеву, прежде всего проявляется в изменении мировоззренческих и ценностных установок общества, выражением которых является этнософия. Помимо мировоззренческой роли, этнософия выполняет и методолого-эпистемологическую функцию, поскольку является синтетической дисциплиной «переходного типа», которая необходима для перехода к новому цивилизационному типу, отождествляемому Арсеньевым с архаикой. Цивилизация представляет собой тип вторичных обществ, т.е. противопоставляющих себя при-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 22-18.00018 «Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания» (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН).

роде, в то время как архаика — первичный тип общества, включенный в природу. К особенностям мировоззренческих принципов архаики, которые находят отражение в социальной жизни, он относил целостность, единство человека и природы, социума и окружающей среды, щадящее природопользование и т.п. Делается вывод, что слабая определенность социальных очертаний архаики говорит об утопичности самого этнософского проекта.

Ключевые слова: этнософия, архаика, цивилизация, мировоззрение, В.Р. Арсеньев, утопия, общество.

Царство сумерек имеет свои императивы.

В.Р. Арсеньев

«Свод основных понятий этнософии»

Африканист Владимир Романович Арсеньев (1948–2010) известен прежде всего как исследователь западноафриканского племени бамбара. Однако в конце жизни он сформулировал проект новой науки на стыке этнографии и философии — этнософии. В этнософии сошлись как методолого-познавательные искания ученого, недовольного господством позитивистского мировоззрения и европоцентрической точки зрения, так и его политическое взгляды, явно детерминированные социальной критикой левого направления. Он воспринимал этнософию как науку переходного периода, вызванного необходимостью смены познавательной парадигмы и ценностных установок современного общества. В перспективе, полагал он, на смену техницистской цивилизации должно прийти общество, основанное на тех мировоззренческих принципах, которые ранее были реализованы в архаике: целостности, единства человека и природы, социума и окружающей среды, щадящего природопользования и т.п.

В своих работах Арсеньев указывал, что термин «этнософия» использовал российский исследователь, проживающий в США, М.Н. Эпштейн. Реальная история этнософии начинается значительно раньше, с 1926 г., когда этот термин впервые предложил Н.С. Трубецкой. И хотя за столетие, практически прошедшее с этого времени, этнософия не стала общепризнанной дисциплиной и ее предметное поле остается не вполне выясненным, тем не менее уже сложилась определенная историографическая традиция (Волкова 2022; Янутш 2022). А.М. Алексеев-Апраксин выделяет три предметные области, охватываемые этнософией: «1) этнософию как способ возвращения к культурным корням, 2) этнософию как мифодизайнерское конструирование и 3) этнософию как направление научных исследований» (Алексеев-Апраксин 2023: 8–9). К истокам этнософии

можно отнести и исследование А.Ф. Лосевым мифологического сознания, хотя русский философ и не использовал сам термин (см.: Бочаров, Володин 2023). Схожие тенденции критики европоцентрической точки зрения в науке и культуре, констатация кризиса современной западной цивилизации, соотносимые Арсеньевым с этнософией, в 1980–1990-е годы были обозначены в философском направлении, получившем название интеркультурной или межкультурной философии (см.: Степанянц 2020). Полнее всего интеркультурная философия оказалась представлена в немецкоязычной философской среде, а ее представители были выходцами из Индии и стран Латинской Америки (см.: Назарова 2021). Арсеньев ориентировался прежде всего на франкоязычный научный контекст, поэтому, вероятно, не был знаком с работами по интеркультурной философии, которые вполне могли бы составить фундамент и его собственных философских взглядов. В итоге философское мировоззрение Арсеньева представляло собой эклектичное сочетание советского обществензнания, антиколониальной критики и французского постмодернизма. Критическая направленность его этнософских построений проявлялась в первую очередь в анализе той ситуации, в которой оказалась цивилизация западного типа и поисках ее альтернативы, которую он видел в архаике.

Парадигма отчуждения

В седьмой главе книги «Россия и Европа» с характерным заглавием «Гниет ли Запад?» Н.Я. Данилевский, рассуждая о перспективах романо-германской цивилизации, приходил к выводу, что Запад не гниет, но в XIX в. завершается период цветения европейской цивилизации. Справедливости ради надо заметить, что Н.Я. Данилевский не был родоначальником мысли об увядающем Западе (см.: Варпапетян 2017), хотя эта биологическая метафора плотно вросла в арсенал цивилизационного подхода. Ее дальнейшие иллюстрации зависят только от масштаба историко-культурной эрудиции. Полтора века спустя, когда Арсеньев писал свои работы, последствия этих процессов выяснились с большей степенью определенности.

Трагический исторический опыт XX в. усилил ощущение приближающего рубежа эпохи Модерна. Исчерпанность исторического пути западной цивилизации и ее суицидальные наклонности казались все более очевидными. Современной цивилизации, полагал Арсеньев, грозит «самоуничтожение через вырождение». В книге о племени бамбара он указывал на осознание кризисного положения западного мира в современной науке, философии и культуре: «Именно к началу XX в. возникли сомнения в истинности и справедливости самих основ цивилизации. И хотя многие

заданные ранее культурные процессы продолжали и продолжают еще развиваться по прежней логике, вопросы и неудовлетворенность общей направленностью жизни множатся, в частности, в наиболее “развитых”, наиболее “цивилизованных” странах. В условиях конца XX в., когда человечество, пережив две мировые войны, оказалось на пороге третьей и она означала бы полное и рукотворное самоуничтожение. Тогда же стала очевидной грядущая катастрофа из-за истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды. Все это при всей своей очевидности свидетельствовало и о реальности существования новых, ранее не осознававшихся проблем, и об отсутствии ответов в рамках действующей научной парадигмы и картины мира, и о необходимости осмыслить эти проблемы, предложить новые решения. Впрочем, некоторые “заделы” в этой области имелись. Достаточно вспомнить все ту же философию “русского космизма”, стимулировавшую целостное мировосприятие, концепции Тейяра де Шардена и Вернадского. Стоит упомянуть и “гуманитарную альтернативу” общей доминанте техницизма в развитии цивилизации XX в. Эта альтернатива присутствовала в работах “теософов”, “антропософов” и др. Она нашла отражение и в эстетических формах “ар нуво”, “югендстиля”, неоромантизма» (Арсеньев 2011: 32).

Летальный диагноз западной цивилизации был поставлен без малого два столетия назад и затем неоднократно повторялся мыслителями разных стран и поколений. Арсеньев в этом отношении не оригинален. Он лишь дополняет уже составленный некролог все никак не исходящей последним вздохом Европы, указывая на исчерпанность «эвристических подходов и реализаций “индустриального общества”» (Арсеньев 1996: 5), замену реальности миром искусственной природы, на приоритет материальных ценностей и сложившуюся практику «управления-подчинения», противопоставление людей природе, ориентацию на подчинение природы, трансформацию психики индивидов, разрушение личности или «парадигмальный эгоцентризм». Выисенный им современной цивилизации приговор можно обозначить как парадигму отчуждения, в которой господствуют «доминанты материального над духовным, прагматики над осознанием непреложности самоограничения на принципах баланса “желаемого” и “возможного”» (Арсеньев 1996: 6). Социалистическая модель общества не представляет реальной альтернативы индустриальной цивилизации, поскольку является частью той же социально-исторической парадигмы. Западный путь развития видится ему бесперспективным. «Обогнать Запад на его путях невозможно, да и не нужно. Пусть уж он сам решает свои внутренние противоречия» (Арсеньев 1996: 33). «Вероятно, — делает заключение Арсеньев, — мы завершили очередной цикл Истории и находим-

ся на пороге следующего, откуда такое ожесточенное противостояние уже апробированных ориентиров: идет борьба за Будущее» (Арсеньев 1996: 13). И это будущее, скорее всего, разойдется с тем путем, на котором стоит западная цивилизация. Современные исследователи отчасти подтверждают наблюдения Арсеньева, предрекавшего переход к новой цивилизационной парадигме: «Наблюдается очевидный цивилизационный провал, точнее сказать, перепад от, казалось бы, вполне устойчивой социокультурной матрицы сложившихся типов современного общества “риска”, “второго модерна”, “потребления”, “знания”, “креативного действия” к новым формам общественного порядка» (Браславский, Козловский 2020: 165).

Одним из проявлений кризисного состояния является ситуация пост-модерна. По словам Арсеньева, «это состояние относительной неопределенности, эклектики, следования очевидно условным ценностям. Это состояние характеризуется релятивизмом нравственной и этической систем. Это эпоха фрагментарного, “клипового” сознания» (Арсеньев 2011: 47). Постмодерн обозначает явный тупик, в котором находятся современная наука и культура. Он описывает его как «распад целостных картин мира» и «цивилизационную шизофрению».

В классификации Арсеньева цивилизация относится к так называемым вторичным обществам, для которых характерно потребительское отношение к природе, товарно-денежные отношения, расширенное производство, иерархическое строение общества и социальное расслоение, формирование отдельных социальных групп, выполняющих функции управления (власти), религиозного культа, военного дела, науки и культуры, появление письменности, литературы, законодательства. Этнос, в отличие от народа, относится к вторичным обществам и часто отождествляется с обществом как информационной целостностью. Этнос обладает сознанием себя как себя и сознанием отличия от другого (этноса, природы). Архаика, напротив, представляет тип первичных общества, т.е. включенных в природу. Она сохраняет целостность (универсальность) человека, общества и природы. Современная цивилизация, утратив гармоническое отношение к миру, пытается дискредитировать архаические культуры. «В силу традиций европоцентризма, — писал Арсеньев, — убежденности в исключительности и предпочтительности европейских форм жизни, ставших своего рода универсалией “общечеловеческих ценностей”, в науке и бытовой практике закрепилась демонизация альтернативных культур, что заведомо исключает объективный, непредвзятый подход к ним» (Арсеньев 2006: 46).

В работах Арсеньева звучит разочарование в современной науке, утрата доверия к ней, поскольку цивилизация и господствующее позити-

вистское мировоззрение приводят к «размежеванию, распчочковыванию, специализации», утрате «всесвязанности и всеединства», «анализ и прагматизм доминируют над синтезом и духовностью» (Арсеньев 2006: 45). «Европейская модель мировидения, — замечает он, — относится к наиболее структурированным. В ней четко выделены блоки видимой традицией организации действительного мира. Степень структурирования, детализации этой модели столь велика, что познание структур отдельных блоков вызывает сомнение в вероятности познания структуры соотношения этих блоков, т.е. целостного образа действительности, ее разноплановой, но внутренне согласованной модели» (Арсеньев 2009: 150). Мир в восприятии современного человека рассыпается на множество фрагментов. Специализация в науке приводит к тому, что неподготовленный человек оказывается не способен понять многие ее достижения и связать их в осмысленную картину с результатами других наук. Получается парадоксальная ситуация: интеллектуальная идея прогресса, означающая кумулятивное накопление наших знаний о мире, приводит к тому, что по мере увеличения этих знаний мировоззрение людей не расширяется, а, наоборот, сужается. Более того, наука, раздвигая границы познаваемого, показывает, насколько значительно по сравнению с ним непознанное, т.е. насколько мала доступная нам объективная реальность, высветленная разумом. В пределах же самой разумной реальности происходит удвоение мира, его культурное мультиплицирование, вторая природа становится самодостаточной. По словам Арсеньева, «с отчуждением людей от начального целостного мира происходит “субъективация” его, а затем и “объективация” этого былого единства Бытия. Осмысляемое и все более вербализуемое отражение мира и чувственно, и рационально отделяется от самого мира, самого Бытия, от первичного “Всего”. Причем примеры сегодняшнего образа бытия людей в условиях “информационной” фазы индустриального общества говорят о виртуализации Бытия. Отраженные формы превращаются во вторичные феномены Бытия, в конструкты, в концептуальные артефакты, в квазиреальности, зачастую искусственно управляемые и манипулируемые. Порой они оказываются более реальными в своем воздействии на реальность, в частности человеческого бытия, чем императивно необходимые для поддержания жизни общества и особей в нем элементы культуры» (Арсеньев 2009: 154). В пределах современной цивилизации, замечает исследователь, только православие «и генетически связанные с ним культуры и общества сохранили тенденцию к целостной и связанной картине Мира» (Арсеньев 2009: 45). Проявление этого Арсеньев усматривал в русской философии, в частности в космизме и евразийстве.

Будущее как архаика

Исследовательский полевой опыт Арсеньева давал ему реальное знание тех форм жизни, мирозерцания и социальных отношений, которые он называл архаикой. Однако его обращение к архаике как альтернативе техницистской цивилизации не означало призыв перейти на образ жизни африканских племен, которые он изучал. Все же в его работах речь идет об идеализированном, а не реальном образе архаики. Под архаикой Арсеньев понимал скорее гносеологическую и мировоззренческую установку, меняющую отношение человека к миру, природе. На место прагматизма современной науки должны заступить «механизмы эмпатического миропознания». «Целостное, синтетическое и синтезирующее видение мира, в единстве его макро- и микро-Космоса, а не расчленение, не умерщвление реальности познающими инструментами», — так исследователь формулировал проект тех изменений, которые должны наступить (Арсеньев 1996: 9). «Я вижу перспективу в синтезирующем подходе — писал он в одной из последних статей, — и в отношении к пребывающему в “осколках” отраженному миру, и в связи со способами познания его, и в том, что касается целеполагания, целедостижения и последующего использования результата. Я убежден, что все эти научные построения, особенно если принять во внимание их дальнейший выход на общественную практику, должны быть интегрированы в единую систему, определяющую образ жизни, другой неотъемлемой частью которой должна выступать система этическая. Таковая должна обеспечивать согласованность, гармонизацию жизненного процесса во всех его составляющих, как среди людей, так и в отношении к среде существования — на основе последовательного проведения принципа функционирования интегрированных систем, идей целостного императива Бытия» (Арсеньев 2009: 165). Переход к архаике, таким образом, представляет собой комплексные изменения в мировоззрении и познании, социальном строе и этической системе. Архаика не отменяет достижения современной цивилизации, но должна скорректировать те негативные моменты, которые явила эпоха Модерна, последовательно реализуя принципы, заложенные в ее истоках.

Синтез, о котором часто говорит Арсеньев, это не только новые мировоззренческие установки, но и синтез положительных результатов исторических эпох, сохранение достижений современной цивилизации и согласование их с принципами жизни, характерными для архаики, т.е. прежде всего изменение отношения человека к природе. «Знание Архаики, — замечал Арсеньев, — должно быть органично согласовано с соответствующим образом скорректированным знанием “позитивных наук”. <...> Это с неизбежностью должен быть продукт синтеза, самокоррекции

так называемых “развитых” обществ и культур, задание новых ориентиров, ведущих к структурным переменам в ставших привычными системах существования в рамках “общества потребления”» (Арсеньев 2009: 165). Предпосылки такого синтеза он видел в русской культуре и идеях, которые поддерживала русская философия. Архаика как новое синтетическое мировоззрение, таким образом, потенциально присутствует в русской культурно-исторической и интеллектуальной традиции. Она лишь требует дальнейшей артикуляции и развития. Арсеньев констатировал: «В культурной действительности исторической России такого рода парадигма мировидения близка идеям философского космизма и евразийства, не порывая при этом с наследием исторического материализма» (Арсеньев 2006: 18). Обращая свой взгляд к России, он писал в 1997 г.: «И именно Россия сейчас ближе всех к осмыслению, усвоению и внедрению того сплава идей и подходов к альтернативе “индустриального общества”, которые на Западе еще только клокочут, прорываются, заявляют о себе, но не стали императивом повседневности» (Арсеньев 1996: 33). Основа выживаемости России, которую часто воспринимают как «отсталость», на самом деле есть следствие «включенности архаических элементов в парадигму само-реализации» (Арсеньев 1996: 32). Это, по выражению Арсеньева, своеобразный «императив выживания» России.

В качестве альтернативы современной цивилизации архаика означает «единство микро- и макро-Космоса человеческих связей» (Арсеньев 1996: 29), т.е. возвращение к тому целостному мировосприятию, которое было утрачено в период господства позитивной науки. В социальном плане архаика в качестве принципов нового социально-экономического устройства ориентируется на стабильность, равновесие, ненасилие, которые Арсеньев также характеризовал как «вторичный природообмен». «А это и возможно, — писал он, — только при условии торжества новой для нас, но такой узнаваемой в Архаике Этике бытия/бывания: “быть”, а не “иметь”! А это возможно только при императиве “Веры” = “Духовности” = “идеального детерминизма”. Вот почему, в отличие от привычного американского *per aspera ad astra*, можно и нужно призвать *per astris spero* — “от звезд [к] надежде”. Это был бы новый девиз, достойный украсить нашу нынешнюю картину видимого духовного упадка и краха. В нем под “звездами” можно понимать и прямые астральные токи, волны Космоса, волны Вселенной, о которых пророчески говорили русские “космисты”. Но это же можно понимать и как символ Веры, рождающей Надежду» (Арсеньев 1996: 37). В тенденции расширения этических отношений на животных и природу в целом, фиксируемой в современной культуре, можно заметить отголоски архаического мировоззрения. Эта тенденция предполагает

изменение представлений о субъекте этических действий и оценки. С этической точки зрения теперь могут оцениваться не только действия и поступки одного субъекта (индивидуального или коллективного), т.е. обладающего разумом и волей, к другому субъекту, но и действия по отношению ко всем живым существам или даже природе в ее недифференцированном виде. Животные, растения, природа во всем ее разнообразии, т.е. в том числе неорганическая природа, наделяются статусом субъекта, что требует переосмысления основ современной цивилизации. Это не только отказ от антропоцентризма и возвращение к космоцентризму архаики, но и, так сказать, выстраивание новой системы координат, новой шкалы акторов и того, что считать их деятельностью, а отсюда и новая модель действительности.

Итак, грядущая эпоха архаики, не отвергая материальные достижения современной цивилизации и претензии науки на преобразование мира, будет означать прежде всего мировоззренческий переворот, обретение человечеством нового сознания — архаического. Сможет ли человек архаического сознания удержать цивилизацию от саморазрушения, грозящего техногенными катастрофами? На этот вопрос Арсеньев не отвечает. Архаическое сознание для него скорее принимает очертания ретроутопии, воспоминания о «золотом веке». Иными словами, будущее, отождествляемое с архаикой, если следовать пространственной метафорике, находится не впереди, а позади. В монографии о племени бамбара Арсеньев писал: «Мы представляем себе это как видение “мира человека в природе” на том раннем этапе человеческой истории, когда, собственно, и истории не было: люди парили в океане времени, в потоке природы, меняясь только вместе с ней, согласно с ней, но не вопреки ей, не по своему разумению. Человек/люди согласовывали себя с природой всегда и во всем, и в этом единстве, гармонии и видели для себя единственную возможность существования» (Арсеньев 2011: 456). Примечательно, что разговор об архаике принимает форму дискурса утраты и возвращения. Это возвращение в мир прекрасного, эмоционального, иррационального. Полнее всего архаическое сознание раскрывается не в рациональном мышлении, а в искусстве. Прекрасное теснее всего сближается с категориями этнософии (всеединства, всесвязанности, всецелостности). Искусство способно так сказать внешним образом предъявлять, визуализировать этнософские интуиции, облекать в чувственную форму этнософские понятия. В архаике этнософия конвертируется в искусство, которое в образной форме воспроизводит отношения человека и природы. «И все же, — замечал Арсеньев, — если вспомнить что “красота спасет мир”, то при всей бесконечной множественности взглядов на “красоту” мир спасет гармонизация, идеи всесвязан-

ности и всецелости бытия, практическое следование им, возврат непреложности принципов равновесия, принципов самой природы, данных нам в осмысленном опыте Архаики. У нее есть чему учиться!» (Арсеньев 2011: 463). Этнософия, по существу, и есть современная версия архаического сознания, с его тяготением к образному изъяснению мира и его интуитивному постижению. Этнософия — самосознание архаики, рефлексивная модель архаического сознания. Она в равной мере проявляется в дискурсивной практике и в художественном осмыслении мира. «Архаическое сознание, — уточнял Арсеньев, — это живой нерв, связующий человека/людей с природой, с реальностью. Это интуитивистское, преимущественно образное видение мира с его мгновенно устанавливаемыми связями, ассоциативными цепями, подсказывающими истоки и характер взаимообусловленности событий, явлений, образов. Архаическое сознание — это когерентная пульсация ритмов природы и ритмов общества в ее осмыслении и рационаровании людьми, ревниво следящими за непротиворечивостью, непрерывностью, согласованностью, унисонном этих ритмов» (Арсеньев 2011: 459). Архаическое сознание коррелирует с самой природой. Их соприкосновение происходит не только в познании или художественном осмыслении, но и в мире социального взаимодействия.

Особенность архаического сознания, полагал Арсеньев, состоит в том, что «человек/индивид вторичен, самоценно же общество/социум, интегральной частью которого он является. Само же общество — интегральная часть природы, находящаяся в состоянии относительного равновесия с природой, зависимая от природы, но формирующая постепенно договорно-партнерские отношения» (Арсеньев 2011: 459). Для социального измерения архаики характерны уравнилельное, коллективистское, равновесное отношение к внешней среде, ограничение производства и потребления в экономической жизни. «Здесь, — уточнял Арсеньев, — производство и потребление, ограничены природными и культурными факторами и держатся в основном на уровне простого воспроизводства всей системы Жизни, приспособляющейся под скорости и направленность природной эволюции» (Арсеньев 2006: 43). Архаика, согласно Арсеньеву, относится к так называемым первичным обществам, «включенным в систему Природы». Современная цивилизация представляет собой тип вторичных обществ, «ориентированных на включение Природы в собственную общественную систему» (Арсеньев 2006: 25). Ограничение потребления преимущественно текущими потребностями, отказ от излишеств, чрезмерного накопления и присвоения предметов внешнего мира, щадящее природопользование, равноправные отношения с природой — все это

составляет содержание архаической парадигмы. «Ее, — пояснял Арсеньев, — характеризует прямой природообменный процесс: природные потребности общества составляют доминанту всех форм деятельности людей и удовлетворяются прямым взаимодействием с Природой. Сама Природа в сфере отражения не осмыслена, не вербализована и не концептуализирована. Именно для этого этапа наиболее характерно восприятие бытия как данного в чувственном, надчувственном и сверхчувственном отражении проявления, манифестации всецелого, всеединого и всесвященного 'Всё', вербализуемого нами как "Мир", "мироздание", "Вселенная". Это этап, на котором люди воспринимают себя как неотрывный компонент, органическую часть всеобщего бытия и, пользуясь им в его проявлениях и воплощениях для своего жизнеобеспечения, соблюдают нормы баланса и умеренности в удовлетворении своих потребностей, а также непреложности ответных действий для восстановления нарушаемых естественных соответствий во всецелостном бытии» (Арсеньев 2006: 27). Из цитаты видно, что архаическое мировоззрение Арсеньев описывает в тех же выражениях, в каких он изъясняет содержание этнософии.

Ряд формулировок, используемых Арсеньевым, содержат аллюзии на учение марксизма. По крайней мере исследователь сохранял убеждение в активном воздействии человека на внешний мир. Правда, изменения, в том числе социальные, виделись ему скорее как результат эволюции, а не революционного преобразования. Даже в критике современной цивилизации Арсеньев воздерживался от конфронтационной риторики. Возможность перехода к новому (архаическому в своих параметрах) мировоззрению он видел не посредством борьбы с техницистской идеологией и практикой западной культуры и ее насильственного разрушения, а воспринимал как результат инстинкта выживания, который должен задействовать современное общество, если оно хочет сохраниться. «Будущее, — писал он, — за воссозданием синтетичности, целостности видения, за поведением людей в мире в согласованности их собственных действий с ритмами и тенденциями движения самого этого мира. Как никогда ранее остро стоит задача не столько преобразования мира, сколько коэволюции в нем» (Арсеньев 2006: 40). Архаика, по существу, не приемлет резких изменений. Она задействует «принципы равновесия» и ориентируется на природные ритмы. В рамках архаического сознания формулируются «циклические модели» культуры, в которых отражается неспешность самой природной эволюции, а вместе с ней меняется и отношение к историческому времени, которое вновь, так сказать, закругляется. Более того, Арсеньев, полагал что понятие «время» является «излишним и внесистемным» для архаики.

Ментальной основой архаики выступает «правополушарная парадигма мышления», для которой характерно преобладание чувственного, образного и даже подсознательного видения мира, находящего отражение в литературе и художественном творчестве. Такой тип восприятия мира типичен для детей. Арсеньев описывал его в следующих выражениях: «целостный взгляд на мир», «способность схватить суть явлений», «парадоксальность видения» и т.п. В современной цивилизации подобный тип мышления не является доминантным. Архаическое миропознание нельзя назвать рациональным. Можно даже сказать больше: не стоит ожидать разумности от жизни, полагать, что мир настолько же разумен, насколько человек мнит разумным самого себя. Арсеньев пояснял, что «сама история, сама жизненная парадигма человеческого бытия — иррациональна. <...> это необходимо признать и принять априорно, заранее — как закон несоответствия отраженного и действительного» (Арсеньев 2008: 151). Алогичность мира не является проблемой для архаического сознания, которое не противопоставляет себя миру, т.е. не считает познание неким соответствием наших идей, мнений, понятий и представлений предмету или вещи самой по себе. Архаическое сознание включено в бытийный поток. Как пишет Арсеньев, «люди Архаики видят мир в сложности, текучести, амбивалентности суждений о нем, и в то же время — в статике, константе его основных параметров, их повторяемости во всех возможных формах» (Арсеньев 2006: 44). Природо- и социоцентризм архаики также проявляется в том, что «живым воспринимается весь мир — Все, компонентом которого во взаимосвязи с этим “Всем” выступают и сами люди» (Арсеньев 2006: 44). Погруженность и как бы растворенность человека в мире дает ощущение или даже осознание соприсутствия и родства человека природе, в котором чувство неотделимо от осознанного. Соприкосновение с миром сразу же становится как достоянием чувства, так и достоянием мышления без рефлексивной задержки, без отсрочки понимания. «Архаика, — констатировал Арсеньев, — это фаза включенности в Природу, в Мир. Фаза бытования и установления чувственных и чувствуемых отношений со средой» (Арсеньев 2006: 44). В архаическом, т.е. наивном, сознании преобладают дорефлексивные формы мышления. Познание для него означает включенность и сопричастность. Это «сонастрои, соощущения, соответствия и уподобления».

Рассуждения Арсеньева порой напоминают религиозную проповедь. Так, «дух Архаики» он поясняет как «пребывание “в Боге”, в мире и гармонии во Всем и Вся, в Природе и в Обществе» (Арсеньев 2006: 47). Архаическое сознание не мыслит себя или обращается к себе в последнюю очередь, не рассекает реальность анализом, не дедуцирует выводы из об-

щих разумных положений. Оно проявляет себя посредством эмпатии, интуиции, вчувствования. На протяжении долгого времени человеческой истории в таком иррациональном мареве жили поколения людей, приспособлялись к природе и вполне адекватно реагировали на те вызовы, которые бросал им далеко не безобидный мир. Опираясь на свой исследовательский опыт, Арсеньев отмечал, что «в историческом прошлом в жизни людей, пребывающих в лоне природы, существенно большую роль, чем ныне, играла эмпатия, чувственное восприятие действительности, моментальное, мгновенное, внерациональное отражение ее и реагирование на ее перемены, минуя сознание» (Арсеньев 2009: 150). «У людей, — продолжал он, — природой данным свойством и механизмом удержания целостного восприятия 'Бытия', действительности выступает эмпатия, идентифицируемая в сознании людей как "чутье", "интуиция"» (Арсеньев 2009: 153).

* * *

Социальное измерение архаики видится Арсеньеву довольно аморфно. Вероятно, «возвращение» архаики не приведет к отказу от основных элементов современного общественного устройства. Существующая социальная организация должна быть наполнена новыми ценностями и смыслами. Архаическая модель означает привнесение новых ценностей, аналог которых можно усмотреть в архаической эпохе, новых целей существования, которые будут определяться этими ценностями. В идеале архаика должна наполнить жизнь человека и новыми смыслами, признающими ценность Другого, т.е. природы, отказ от абсолютизации материального начала в жизни человека и т.п. В тексте «Архаические картины мира» Арсеньев в самых общих чертах рисовал принципы архаического социального порядка, указывая на «создание новых технологий поддержания Жизни, основанных на принципах дополнительности, ненасилия, малой затратности ресурсов и энергии, на балансе производства и потребления, на переводе высшей ценности из производства "прибыли" в сферу производства "Жизни"» (Арсеньев 2006: 47). Иными словами, архаика не замыкается в какой-то одной социальной модели, а предлагает широкий спектр вариантов общественного устройства в зависимости от тех условий, в которых живут люди. По его словам, «можно констатировать проявление многих форм организации общества и общественного отражения (в осознанных или нет проявлениях) — "институтов", восходящих к архаическим этапам социо-, экономо-, политогенеза, а также эволюции картин мира. Они включены в этот процесс, структурируют его — в очевидной или в скрытой для непосвященного наблюдателя ипостаси. Сама парадигма,

в рамках которой подобная устойчивость, преемственность возможна, определяется как фундаментальный, основополагающий синкретизм» (Арсеньев 2008: 151–152).

Социальная проекция этнософии, которая привела Арсеньева к упованию на архаику в качестве альтернативы современной цивилизации, имеет явную утопическую окраску. Конечно, Арсеньев, изучавший племена Западной Африки и почти семь лет проживший в племени бамбара, не понаслышке был знаком с реликтами архаического сознания и соответствующим образом жизни. Однако одно дело изучать архаические формы социальной жизни, сохранившиеся до наших дней, и совсем другое дело видеть в архаике цель социальной эволюции. Трудно представить, чтобы современный человек сознательно мог отказаться от тех достижений и даже привилегий, которые предоставляет ему цивилизация. Безусловно, история человеческого рода не должна остановиться на той форме социальной организации и ее мировоззренческой атмосфере, которая реализована в истории западного человечества. Было бы нелепо считать ее высшей точкой развития, обозначающей конец истории. Новый этап неизбежен, но он, скорее всего, будет опираться на результаты ближайшей предшествующей исторической жизни, а не будет буквальным возвращением к архаике, если только архаика не наступит вследствие глобальной катастрофы, ставящей под угрозу существование самого человечества.

Литература

- Алексеев-Апраксин А.М. (2023) Этнософия. *Международный журнал исследований культуры*, 1: 6–18. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_6.
- Арсеньев В.Р. (1996) *Альтернативы будущего*. СПб.: б. и.
- Арсеньев В.Р. (2011) *Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западно-суданского этноса в коллекциях МАЭ РАН*. СПб.: МАЭ РАН.
- Арсеньев В.Р. (2008) «Империи страха» и «империи выживания»: вызовы глобализма и постглобализационная перспектива. *Общество. Среда. Развитие*, 4: 145–156.
- Арсеньев В.Р. (2006) Свод основных понятий этнософии. *Манифестация. Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики»*. № 7а (Приложение). СПб.: Европейский дом.
- Арсеньев В.Р. (2009) «Слон» как мир и мир как «Слон»: концептуальные и тривиальные стороны видения мира и движения в нем. *Общество. Среда. Развитие*, 1: 141–169.
- Бочаров А.Б., Володин А.В. (2023) «Диалектика мифа» А.Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии. *Международный журнал исследований культуры*, 1: 19–32. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_19.

Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2020) Цивилизационный анализ и модели истории в перспективе интеркультурного взаимодействия. *Интеркультурная философия: полилог традиций*. СПб.: Интерсоцис: 164–174.

Варапетян А.Э. (2017) Критические заметки П.Б. Струве о происхождении идеи «гниющего Запада». *Философский полилог*, 2: 136–142.

Волкова Е.А. (2022) Современная отечественная историография этнософии. *Гуманитарный акцент*, 3: 82–88.

Назарова О.А. (2021) О сущностном отличии «меж-» от «интер-»: от межкультурного к интеркультурному философскому полилогу в европейском культурном пространстве. *Философский полилог*, 2: 24–42. <https://doi.org/10.31119/phlog.2021.2.141>.

Спепанянц М.Т. (2020) Межкультурная философия как эпоха, схваченная в мысли. *Философский полилог*, 1: 11–25. <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.105>.

Янутш О.А. (2022) Этнософия: 100 лет в поисках себя. *Общество. Среда. Развитие*, 4: 11–14.

V.R. ARSENYEV'S ETHNOSOPHICAL UTOPIA

Alexey V. Malinov^{ab} (a.v.malinov@gmail.com),
Victor A. Kupriyanov^{bc} (nonignarus-artis@mail.ru)

^a Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^b Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

^c S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russia

Citation: Malinov A.V., Kupriyanov V.A. (2023) Malinov A.V., Kupriyanov V.A. (2023) Etnosofskaya utopiya V.R. Arsen'yeva [V.R. Arsenyev's Ethnosophical Utopia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 36–52 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.2>. EDN: YPIYKG

Abstract. The aim of the article is to consider the social aspects of the ethnosophical teachings of the Africanist V.R. Arsenyev (1948–2010). It is noted that Arsenyev criticizes the modern technogenic civilization, the alternative to which he saw in the archaic. He saw the signs of degeneration of modern civilization of the Western type in the replacement of reality with the world of artificial nature, the priority of material values, the opposition of people to nature, the desire to subjugate nature, the transformation of the psyche of individuals, the destruction of personality or “paradigmatic ego-centrism”.

Industrial civilization has developed an unsustainable model of management, which Arsenyev, in conjunction with other features, called the paradigm of alienation. All this indicates the exhaustion of the path of development represented by Western civilization. His field studies provided the scientist with sufficient material to study archaic societies and archaic consciousness. However, the archaic he wrote about does not mean a return to the earlier stages of social evolution. Archaic as a new stage of socio-historical life, according to Arsenyev, primarily manifests itself in a change in the worldview and value orientations of society, the expression of which is ethnosophy. In addition to its worldview role, ethnosophy has a methodological and epistemological function, since it is a synthetic discipline of a “transitional type” that is necessary for the transition to a new civilizational type, identified by Arsenyev with archaics. Civilization is a type of secondary societies, i.e. opposing nature, while archaic is a primary type of society incorporated into nature. Among the features of archaic worldview principles, which are reflected in social life, he attributed integrity, the unity of man and nature, society and the environment, sparing use of nature, etc. The conclusion is made that the weak definition of the social outlines of archaicism indicates the utopianism of the ethnosophic project itself.

Keywords: ethnosophy, archaic, civilization, worldview, V.R. Arsenyev, utopia, society.

Acknowledgments

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18.00018 “Ethnosophy of the Altai: Ideology and Mythology of National Consciousness” (SI RAS, a branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences).

References

Alekseev-Apraksin A.M. (2023) Ethnosofia [Etnosofiya]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 1: 6–18 (in Russian). https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_6 (in Russian).

Arsenyev V.R. (1996) *Al'ternativy budushchego* [Alternatives of the Future]. St. Petersburg (in Russian).

Arsenyev V.R. (2011) *Bambara: kul'turnaya sreda i oveshchestvlenyi mir zapadno-sudanskogo etnosa v kollektivyakh MAE RAN* [Bambara: cultural environment and embodied world of the Western Sudanese ethnos in the collections of the MAE RAS]. St. Petersburg: MAE RAS (in Russian).

Arsenyev V.R. (2008) «Imperii strakha» i «imperii vyzhivaniya»: vyzovy globalizma i postglobalizatsionnaya perspektiva [«Empire of Fear» and «Empire of Survival»: Challenges of Globalism and Post-Globalization Perspective]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 4: 145–156 (in Russian).

Arsenyev V.R. (2006) Svod osnovnykh ponyatii etnosofii. *Manifestatsiya. Uchebno-teoreticheskii zhurnal «Leningradskoi shkoly afrikanistiki»*. № 7a (Prilozhenie) [Summarizing the Basic Concepts of Ethnosophy Manifestation. Journal of Leningradskaya shkola afrikanistika [Leningrad school of ethnography. No. 7a (Appendix)]. St. Petersburg: European House (in Russian).

Arsenyev V.R. (2009) «Slon» kak mir i mir kak «Slon»: kontseptual'nye i trivial'nye storony videniya mira i dvizheniya v nem [«Elephant» as the World and the World as an «Elephant»: Conceptual and Trivial Aspects of the World and Movement in it]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 1: 141–169 (in Russian).

Bocharov A.B., Volodin A.V. (2023) «Dialektika mifa» A. F. Loseva kak teoreticheskaya baza v podkhode k etnosofii [«Dialectics of myth» by A.F. Losev as a theoretical basis in the approach to ethnosophy]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 1: 19–32 (in Russian). https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_19.

Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2020) Tsivilizatsionnyi analiz i modeli istorii v perspektive interkul'turnogo vzaimodeistviya [Civilization Analysis and Models of History in the Perspective of Intercultural Interaction]. *Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsii* [Intercultural Philosophy: Polilogue of Traditions]. St. Petersburg: Intersocis: 164–174 (in Russian).

Varapetyan A.E. (2017) Kriticheskie zametki P.B. Struve o proiskhozhdenii idei «gniyushchego Zapada» [Critical Notes of P.B. Struve on the Origin of the Idea of the «Decaying West»]. *Filosofskii polilog* [Philosophical Polylog], 2: 136–142 (in Russian).

Volkova E.A. (2022) Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya etnosofii [Modern domestic historiography of ethnosophy]. *Gumanitarnyi aktsent* [Humanitarian Accent], 3: 82–88 (in Russian).

Nazarova O.A. (2021) O sushchnostnom otlichii «mezhd-» ot «inter-»: ot mezhdkul'turnogo k interkul'turnomu filosofskomu polilogu v evropeiskom kul'turnom prostranstve [On the Essential Difference of «mezhd-» from «inter-»: from Mezhdkul'turny to Intercultural Philosophical Dialog in European Cultural Space]. *Filosofskii polilog* [Philosophical Polylog], 2: 24–42. <https://doi.org/10.31119/phlog.2021.2.141> (in Russian).

Spepanyants M.T. (2020) Mezhdkul'turnaya filosofiya kak epokha, skhvatennaya v mysli [Intercultural Philosophy as an Epoch Seized in Thought]. *Filosofskii polilog* [Philosophical Polylog], 1: 11–25. <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.1.105> (in Russian).

Yanutsh O.A. (2022) Etnosofiya: 100 let v poiskakh sebya [Ethnosophia: 100 years in search of itself]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 4: 11–14 (in Russian).